

В прежней жизни бабушка Чжоу Сяолэ всё время держала свиней, поэтому в этом деле он кое-что понимал. Пусть и не слишком много, но всё же знал: если выращивать поросят так, как Сюй Гуань, то, чтобы они стали круглыми, упитанными и годными к продаже, понадобится немало времени. Если хорошо готовить корм, если поросята хорошо едят, то и растут они хорошо. Одной свиной травой кормить тоже не было проблемой. Просто на свиной траве они растут слишком долго. А когда времени уходит много, даже если потом свиньи потолстеют и их удастся продать, после вычета затрат в конце останется не так уж много.

Вчера вечером перед сном Сюй Гуань показал ему все семейные накопления. Чжоу Сяолэ хотел вернуть ему те двадцать восемь лян свадебного дара, но Сюй Гуань не взял. Если не считать этих двадцати восьми лян, всё имущество Сюй Гуаня вместе составляло примерно сто восемьдесят лян с лишним - должно быть, это были деньги, заработанные охотой.

У самого Чжоу Сяолэ, кроме десяти лян, отданных сестре, оставалось меньше двадцати лян. Эти деньги уже считались немалыми, но если разводить свиней, за долгие месяцы и годы всё равно придётся потратить много серебра. Поэтому, если после продажи свиней почти ничего не останется, это будет убыток.

Свинарник был вычищен очень аккуратно; видно было, что Сюй Гуань старателен в уходе за свиньями. Просто в других сторонах дела у него не хватало опыта, и потому он не мог этого заметить.

Сюй Гуань полностью выращивал поросят по наставлениям того старика, что продал ему свиней. Порядок чередования свиного корма и свиной травы, а также время уборки свинарника он без необходимости не менял. Поэтому то, что поросята становились всё худее, он мог объяснить только тем, что свинки скучают по дому и у них нет аппетита. Через некоторое время, наверное, пройдет. Хотя уже прошло три месяца, а лучше так и не стало.

Сюй Гуань закончил кормить поросят и, увидев, что Чжоу Сяолэ стоит рядом в раздумье, спросил:

— Что случилось?

— Я думаю, как бы сделать так, чтобы поросята нагуляли жирок. Если позволить им и дальше предаваться тоске, боюсь, они всю жизнь останутся такими стройными...

Если они смогут потолстеть, конечно, будет лучше. Сюй Гуань спросил:

— У Лэ-гэра есть способ?

— М-м... — Чжоу Сяолэ немного поразмыслил и сказал: — Есть кое-какие мысли, но их ещё надо отточить. Дай мне посмотреть и наставления того старика-продавца свиней. Вернусь, всё сведу вместе и напишу порядок. Сначала будем выращивать по этому порядку, а если появятся проблемы - изменим.

— Хорошо.

После возвращения в следующие два дня Чжоу Сяолэ и правда занялся тем, что записывал способ выращивания свиней. Понимал он не так уж много, но, взяв за основу наставления старика, продававшего свиней, добавив методы свиноводства из прежней жизни и соединив всё с нынешними доступными средствами, он в итоге составил «Тринадцать правил выращивания свиней», и каждое правило было простым в исполнении.

Он приклеил их клейстером в маленькой комнатке для варки свиного корма, чтобы Сюй Гуань мог каждый день сверяться. В дом Сюй Гуаня приходило мало людей. Если только кто-то специально не соберётся воровать, этот секретный рецепт не утечёт.

Когда дело с выращиванием свиней уладилось, Сюй Гуань выдохнул с облегчением. Поросята под его уходом становились всё худее, и он сам уже не знал, что делать. Он уже думал: если они и дальше будут так худеть, придётся выбрать время и подробно расспросить того старика-продавца. К счастью, Чжоу Сяолэ вовремя принёс «дождь в засуху» и помог выйти из затруднения.

Когда настал третий день, Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань взяли вещи и отправились в родной дом.

Болезнь Чжоу Цинцин немного отступила; теперь она уже не была такой слабой, как в те дни, когда Чжоу Сяолэ только пришёл в этот мир.

Возможно, тогда она тревожилась из-за дел Чжоу Сяолэ, заботы скопились в сердце и застоялись, поэтому дух её становился всё хуже. К счастью, позже Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань поженились, тревожившее её сердце дело было решено, и болезнь всё заметнее пошла на убыль. У Чжоу Цинцин даже появились силы договориться с Цинь Сань-нян и вместе ходить в городок за вышивальной работой.

Вот что значит, когда обида и тревога застревают в сердце: стоит им рассеяться, и человеку становится лучше.

Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань провели у неё свободный день: поворошили землю на грядках, натаскали воды, остались на ужин и только потом вернулись домой.

Через несколько дней после возвращения в родной дом Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань собрали багаж, собираясь отправиться в город искать Шэнь Юя, чтобы вместе с ним ехать в префектурный город и готовить чанфэнь для прощального банкета правителя префектуры.

Чжоу Сяолэ положил вещи на тележку и увидел, как Сюй Гуань возвращается снаружи.

— С братом Тунцай договорился?

— Договорился, он тоже согласился. Плату в двадцать вэней он брать не хотел, потом сказал, что только пятнадцать вэней сойдёт.

Поездка в префектурный город должна была занять немало времени. Чжоу Чуся не мог ехать, потому что должен был следить за делом лотка в городке. А если бы Чжоу Сяолэ, гэр, поехал с Шэнь Юем один, это тоже было бы неподобающим. К тому же в этой поездке имелся риск, и Сюй Гуань не мог спокойно отпустить Чжоу Сяолэ, поэтому предложил ехать вместе с ним в префектурный город.

Боевые навыки у него были неплохие; даже если на прощальном пиру начнётся драка, он сможет защитить Чжоу Сяолэ.

Что до того босса Цао, Сюй Гуань никогда его не видел и не знал, насколько тот глубок или мелок. Тем более своего фулана, конечно, спокойнее защищать самому.

Раз Сюй Гуань едет вместе с ним, дома некому будет присматривать за поросятами. К счастью, в прежние дни из-за свадебных дел он сблизился с Чжоу Тунцаем, сыном тётки Цзи, и потому вспомнил, что можно попросить его помочь, платя за каждый день работы.

Была и плата, и место близко: всего-то прийти утром, сварить свиной корм, вычистить свинарник - дело, которое можно закончить за одно утро. Чжоу Тунцай сначала не хотел брать деньги, но отказаться не смог; после долгих взаимных уступок и уговоров в итоге сошлись на пятнадцати вэнях.

Чжоу Сяолэ в последний раз проверил вещи, которые нужно было взять с собой. Ничего не забыли. Когда Сюй Гуань запряг тележку, они отправились в путь. Если ехать быстро, от городка до префектурного города можно было добраться за пять часов. Если бы не горы, окружавшие всё вокруг, и идти по прямой, столько времени точно не понадобилось бы.

Здесьние горы тянулись одна за другой, а дорога тоже была такая: после одного поворота уже виден следующий поворот на противоположном склоне. На глаз расстояние казалось близким, но лишь свернув, понимал, что до только что увиденного поворота ещё нужно пройти две крутые дуги.

Можно было представить, насколько извилистой была эта дорога. Поэтому для такой горной дороги в семь разворотов и восемь петель обязательно требовался опытный возница. Иначе стоило лишь немного ошибиться на повороте, и повозка могла сорваться с обрыва, а там уж жизнь не сохранить.

Когда они выехали из гор, по дороге им встретилось несколько деревень, построенных вокруг водохранилища. Издалека было видно, что по воде ходит немало людей на бамбуковых плотках. Шэнь Юй, зная, что Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань редко выезжают далеко, заботливо направлял возницу, чтобы тот правил повозкой.

Лошадь Сюй Гуаня была немного своенравной, но после некоторой возни наконец согласилась тронуться в путь. Благодаря этому Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань могли сидеть в повозке Шэнь Юя, не мёрзнуть на ветру и не жариться под солнцем.

— Разве вы не говорили, что Цао-лаобань поедет вместе с нами? Почему его не видно? — спросил Чжоу Сяолэ.

Шэнь Юй веточкой подразнил свою гордую птицу и сказал:

— Цао-лаобань раньше уехал за город и ещё не вернулся. Я передал ему через людей, что встретимся в префектурном городе. Когда доберёмся до постоянного двора, там его и увидим.

— Мы сначала едем на постоянный двор?

— Верно. Мой дальний родственник уже всё устроил. Когда придёт время, от постоянного двора можно будет прямо отправиться на заднюю кухню резиденции правителя префектуры.

Подумав о лице того родственника, Шэнь Юй насмешливо улыбнулся. Он с трудом нашёл новое блюдо и привёз его, а тот родственник, считая себя человеком положения, не желал иметь дело с торговцами и потому нашёл предлог не встречаться. При этом он ещё и боялся, что Шэнь Юй не сдаст поручение вовремя, так что специально прислал человека дать наставления. С какой стороны ни посмотри, везде оставил себе путь к отступлению.

После четырёх часов тряски они наконец увидели стены префектурного города. Издалека виднелись высоко вздымающиеся стены, на них были расставлены факелы, и смутно можно было различить тени солдат, ходивших по стенам дозором. Только когда повозка подъехала ближе, они разглядели иероглифы на городской стене - Циннань.

Город Циннань находился на самом юге государства Даюй. Слева от него был юго-западный префектурный город Чжуйюй, справа - город Юэбянь; эти три города вместе называли Крайним Югом. Хотя существовало такое общее название, для простого народа государства Даюй под Крайним Югом обычно по умолчанию подразумевался именно город Циннань.

Под управлением Циннаня находились двенадцать уездов, разбросанных по разным местам, а деревня Цяньлю располагалась в уезде Юннань. Уезд Юннань прежде назывался городом Юннань, а позже, когда территория расширилась, его переименовали в уезд Юннань. Название изменилось, но люди в городе по-прежнему называли его по-старому.

Сейчас уже стемнело, время входа в город давно прошло, и городские ворота были плотно закрыты. Перед городскими воротами проходил ров, а подъёмный мост через него тоже был поднят. За мостом, с внешней стороны, точками горели костры, стояло немало лотков, и, увидев новую повозку, кто-то сразу подошёл зазывать гостей.

За множеством лотков собралось много торговцев и путников; должно быть, они не успели войти в город и теперь отдыхали все вместе.

Шэнь Юй спрыгнул с повозки, приподнял занавеску и сказал Чжоу Сяолэ с Сюй Гуанем:

— Стемнело, сейчас в город уже не войти. Сегодня ночью нам придётся переночевать здесь, а утром войдём в город.

Следом они тоже сошли с повозки и пошли за Шэнь Юем вперёд. По дороге им попадалось немало работников, зазывавших гостей. Шэнь Юй вежливо отказывался, но в шаге его не было ни малейшего колебания: он прямо направился к лотку у деревьев в стороне.

У других лотков так или иначе теснились люди, и только этот стоял в самом углу. Те, кто находился поблизости, при ближайшем взгляде оказались людьми из соседнего лотка. Если присмотреться внимательнее, у этого лотка все-таки не было ни одного гостя.

Факелов там было много: спереди, сзади, слева и справа горело по три, окружая лоток посередине. На самом лотке стоял всего один стол, а на столе покачивалась пара ног - явно с видом крайнего нетерпения. Если проследить взглядом от этих ног выше, можно было увидеть женщину в розовом платье. Она откинулась на стуле с закрытыми глазами, и было непонятно, спит она или нет. На голове у неё был серебряный венец. Серебряные пластинки на венце, двигаясь вместе с её головой, сталкивались друг с другом и издавали тихий звон: динь-динь, линь-линь.

Шэнь Юй подошёл, согнул палец и постучал по столу:

— Просыпайся, просыпайся.

Женщина приоткрыла глаза, увидела, что это Шэнь Юй, и снова закрыла их, раздражённо цыкнув.

Когда она открыла глаза во второй раз, Шэнь Юй ещё не успел заговорить, как она ловко откинулась назад. В тот миг, когда стул уже должен был опрокинуться, она сняла ноги со стола, и стул вместе с ней качнулся вперёд; ножки ровно встали на землю.

Раньше её было не разглядеть, но теперь, вблизи, стало видно: кожа у этой женщины была белой и прозрачной, взгляд ленивым, а внешность - очень красивой.

Женщина тихо усмехнулась и сказала:

— Господин Шэнь, навыки езды у тебя никудышные. Такой короткий путь, а ты ехал так долго.

Шэнь Юй поставил клетку с птицей на стол:

— Если повозка поедет слишком быстро, боюсь напугать мою маленькую прелесть.

Женщина прямо закатила глаза. Красивый человек даже глаза закатывал красиво.

— По-моему, это она из-за тебя страдает. Иначе маленькая прелесть сама долетела бы быстрее.

Шэнь Юй не стал это комментировать и вместо этого спросил:

— Почему ждёшь здесь? Нравится кормить комаров?

Женщина сказала:

— Ещё не доводилось познакомиться с комарами за городом. Захотелось обменяться с ними несколькими приёмами.

Перекинувшись парой праздных фраз, она повернулась к Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаню и сказала:

— Кто из вас двоих Чжоу Сяолэ?

Услышав её вопрос, Чжоу Сяолэ поспешно сложил руки в приветствии:

— Приветствую барышню. Я Чжоу Сяолэ.

Женщина кивнула, ничего не сказала и посмотрела на Шэнь Юя, приподняв бровь, будто говоря: если ты сейчас не представишь нас, обстановка станет неловкой.

Шэнь Юй неизвестно откуда притащил стулья, повернулся к Чжоу Сяолэ и Сюй Гуаню и сказал:

— Сначала садитесь, не нужно быть такими церемонными.

Только когда Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань сели, он продолжил:

— Как раз представляю вас. Это Цао Тяньцай, Цао-лаобань. Когда вы отправитесь в резиденцию правителя префектуры, именно она будет тайно охранять вас. А эти двое - Чжоу Сяолэ и его супруг Сюй Гуань. Чанфэнь как раз дело рук Чжоу Сяолэ.

Так это и есть Цао Тяньцай, Цао-лаобань? Племянница лекаря Чжоу?

Раньше, когда говорили «племянник», Чжоу Сяолэ думал, что это мужчина, и не ожидал, что окажется женщина.

Цао-лаобань скрестила руки на груди, откинулась на стуле, чуть покачнулась и сказала Сюй Гуаню:

— Ты владеешь боевым искусством?

Сюй Гуань замер, не ожидая такого вопроса, затем сложил руки и сказал:

— Да, немного знаю кулачное дело и владею ножом.

— Сойдёт. В той резиденции все - мелкие креветки да крабы-солдаты, справишься.

Цао-лаобань, казалось, могла определить глубину мастерства Сюй Гуаня даже без поединка. Сказав это, она снова посмотрела на Чжоу Сяолэ, дружелюбно улыбнулась ему и спросила:

— Твой лоток с чанфэнем никто не приходил громить?

Заговорив об этом, Чжоу Сяолэ вспомнил, что прежде так и не смог увидеться с Цао-лаобанем и лично поблагодарить её.

Он поспешно поднялся и сложил руки, уже собираясь поклониться, но Цао-лаобань сказала:

— Стоит тебе совершить этот поклон, и завтра кто-нибудь придёт громить твой лоток.

Чжоу Сяолэ замер, а потом выпрямился и сказал:

— За прежнее дело большое спасибо Цао-лаобань.

Цао-лаобань подперла щеку рукой, прищурилась, и в её тоне появилась лёгкая угроза:

— М-м... по-моему, всё-таки надо разгромить твой лоток.

Чжоу Сяолэ не знал, смеяться или плакать, и поспешно сел обратно:

— Тогда не будем о пустых церемониях. Как насчёт того, чтобы в другой день дать Цао-лаобань

попробовать чанфэнь, приготовленный мной?

Глаза Цао-лаобань загорелись. Она хлопнула в ладони и одобрительно сказала:

— Хорошо, хорошо, хорошо! Вот это очень хорошо.

Шэнь Юй вовремя вставил:

— Сейчас уже слишком поздно. Сначала временно расстелим постели и отдохнём. Завтра утром, когда городские ворота откроются, можно будет пойти на постоянный двор и нормально передохнуть. Сегодня ночью придётся немного потерпеть.

Затем он неизвестно откуда вытащил несколько комплектов постелей: один дал Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань, по одному - вознице и остальным, оставшийся оставил себе. У Цао-лаобань был собственный способ спать, так что Шэнь Юй даже не стал её спрашивать.

Хотя Чжоу Сяолэ и Сюй Гуань за эти несколько дней уже привыкли спать на одной кровати, укрываться одним одеялом им доводилось впервые. Ночью стало очень прохладно, а постель была тонкой. Сначала они оба лежали ровно на спине, но к середине ночи Сюй Гуань неосознанно обнял Чжоу Сяолэ и прижал к себе.

Чжоу Сяолэ во сне становилось всё теплее, и во второй половине ночи он почти не просыпался.

<http://bllate.org/book/17639/1741292>